

Набоков Владимир Владимирович

СЮЖЕТЫ И ЛИЦА

Лит. газета. - 1995. - 29 марта. - С.3.

Как Набокова принимали в Союз писателей

Сенсационные материалы из архивов КГБ

Сложно передать чувство, которое испытывает наша редакция, предлагая вниманию читателей эти странные документы. С одной стороны, налицо явная сенсация и, пожалуй, самая необычная находка в архивных разисках по истории русской и советской литературы за последнее время. С другой, — история появления этих материалов в редакции настолько невероятна, что мы сами не можем до конца поверить в ее подлинность. Начнем по порядку... Однажды в нашем кабинете возник человек средних лет и самой непримечательной внешности. Он представился работником ФСК и... набоковедом. Да-да, специалистом из контрразведки и человеком, который несколько десятилетий преданно занимается творчеством Владимира Владимировича Набокова. «Это мой кумир!» — сказал он. Имя свое гость называть отказался: «Я не заинтересован в рекламе». Затем

на стол легла некая папка. Материалы из этой папки показались нам, мягко скажем, сомнительными, а поведение «сотрудника ФСК» вызвало еще больше подозрений. «.....?» «Видите ли, — ответил наш гость, — в архиве ФСК сейчас неразбериха. Старые материалы из КГБ проверяются на предмет важности и на них ставятся новые архивные номера. На некоторые дела, так сказать, «пропадают»... по разным причинам. Это дело я просто нашел в отвале, когда искал совсем другое. Привлекла надпись на папке: «НАБОВОВ СП». Непосвященным это ничего не говорит. Я же просто ошалел, когда начал читать. Мне казалось, я почти все знаю про жизнь Набокова. И вдруг такое!..» — наш гость явно нервничал, как будто понимая, что поверить в это невозможно. «Покажите специалистам», — просил он.

И вот здесь началось самое интересное. Известный в нашей стране и во всем мире набоковед прибыл примерно через час после телефонного звонка и стал придирчиво листать материалы. Он, кажется, был недоволен, что его отвлекают на подобные пустяки. Но уже через три-четыре минуты он выхватил из кармана очки и начал, что называется, пожимать глазами разложенные материалы странного «дела». Особенно внимательно он исследовал текст письма Набокова к сестре и надписи на конверте. «Это невозможно...» — сказал он изменившимся голосом. — Но и отрицать подлинность этих документов нельзя. Часть из них явно настоящие. «.....?» «Видите ли, не только в стиле, но в почерке Набокова были некоторые графические хитрости, о которых знают два-три специалиста в мире, и я в том числе. Однако и мы не могли бы в совершенстве подделать почерк.

Здесь искусство, понимаете? Как в почерке Пушкина. Конверт и письмо — настоящие. А вся история — дикая чушь!» «И что же нам делать?» — растерялись мы. «Что хотите. Но меня не впутывайте!» Бросив нехороший взгляд на «гостя из ФСК», набоковед спешно отключился. Нехотя позволив снять копии материалов, наш странный гость поспешил так же.

А мы остались в легком шоке. Как не напечатать т а к о е? И к а к напечатать, раз никто не хочет отвечать за эти тексты? В конце концов азарт газетчиков взял верх. Мы решили печатать и даже взвзглядеть наш скромный комментарий. Но если специалисты проявят к ним должный интерес, то мы в любой момент готовы до конца вместе с ними разобраться в этой загадочной ситуации.

Документ №1: Заседание секретариата СП СССР

5 февраля 1967 года (магнитофонная запись)

Этот материал лежал в папке первым, и он оказался нам самым загадочным. Как могло произойти такое? Или это фальсификация (но тогда непонятно появление останков, подлинных документов вроде письма Набокова), или следует признать, что партийное начальство страны в какой-то момент... помешало. Предположить, что Набоков однажды согласился вернуться в СССР и даже вступить в Союз писателей, нормальный человек не мог! Правда, возможны еще два варианта. Первый — это была провокация КГБ, направленная против крупных фигур в СП СССР (например, против Кюнт. Федина, который в это время возглавлял Союз писателей). Допустим, что Федин мешал каким-то людям и силам. И они решили «свалить» его таким образом. Однако данное заседание вел не Федин, который едва ли согласился бы на такое позорие. А кто же? Марков? Верченко? Или кто-то еще из второстепенных членов секретариата, обладающих тайными полномочиями? Мы можем лишь догадываться. А вот как папка попала в КГБ — почти несложно. Кто-то из членов секретариата, а быть может, и сам Главный принес магнитофон. Но зачем имена остались неразкрытыми? Скорее всего, они не имели для КГБ принципиального значения (и так все они были на заметке), и запись разбирала простая машинистка (она-то и придумала кличку «Главный»). Нельзя, впрочем, исключить и четвертый вариант. Единственным подлинным материалом является письмо Набокова к сестре. Здесь не может быть сомнений по вышеизложенным причинам. Но как раз это письмо и было гениальной мистификацией. Зачем Набоков сделал это? Не вполне понятно. Возможно, это была обычная эпистолярная шутка. Но тогда логика событий приобретает просто фантастический характер. Ясно, что письмо Набокова похищено агентами КГБ непосредственно в швейцарской гостинице, где в последние годы проживал писатель. На конверте даже нет почтового штампа. Также ясно, что такое письмо не могло не вызвать интерес наших секретных органов, которые давно и внимательно следили за Набоковым. (И как знать: слежка даже была им замечена и являлась основным поводом к мистификации). Появление письма в КГБ и повлекло за собой заведение «дела». Но когда выяснилось, что «дело» липовое, как могли себя органы? Признать свои ошибки? Это не в их правилах. Возможно, тогда-то и было принято решение использовать письмо для шантажа неких важных людей в СП СССР (например, Федина), и таким образом наша четвертая версия смыкается со второй. Вот так и было сфабриковано «дело о приеме Набокова в СП СССР».

Так или иначе, но разбираться во всем этом должны не только специалисты-финансы.

же русским языком сказал: «решение ЦК». Какие есть предложения? <...>

ГЛАВНЫЙ. Раз нет никаких предложений, я продолжаю. Я тут направил двух ребят поработать в спецхране Ленина. Они мне тут так доложили. Правда, не много, но кое-что есть. Мелкота, как правильно сказали. Но кое-что есть... Товарищи, кто читал из вас Владимира Набокова?

ГОЛОСА. Читали! Дрянь!.. Порнография!.. Антисоветчина!..

ГЛАВНЫЙ. Тише, тише, товарищи! Нам, работникам идеологического фронта, врагов надо в лицо знать. Кстати. Они-то нас знают. Целые институты в Америке работают. Набоков, конечно, враг опасный. Хотя мне кажется, что как писатель, как, понимаете, мастер слова он сильно слабават. Я перед нашим заседанием взял роман «Дар». Такая, извините, бредятина! Но ведь для чего написано. Тут ведь главное, что он про Николая Гавриловича Чернышевского написал. А все равно, хотя все знает, что плохой, бездарный писатель, а враги скажут, что роман про Чернышевского, и все равно же прочитают. Такой хитрый враг!

ГОЛОС: Мы тоже не протаски! Нас на мякине проведешь! <...>

ГЛАВНЫЙ. Правильно! Великий Ленин нам как завещал: врага надо тоже использовать для революции. Раз партия так решила, пригласим товарища Набокова к нам. Вот придет, поживет, советским воздухом подышит... Почитает наших писателей. В Коткебелл пригласим... В «Советском писателе» его изданием, я с «товарищем» Леоньевским говорил. А там в союз нас примем, как вы считаете, товарищи?

ГОЛОС. Много чести! В очередь! ШУМ.

ГЛАВНЫЙ. А мы с ним долго цапкаться не станем... <...>

ГЛАВНЫЙ. Так как, товарищи! Примем Набокова в наши ряды? Или дадим испытательный срок, а как считаете? СМЕХ.

ГОЛОС. А придет? ГЛАВНЫЙ: Я навел справки... Вот, познакомьтесь, передайте всем, Иван Степанович! Шутка, как видите, сложная. Простая шутка. Антисоветчик, я ей сказал, с рождения. Богатый. Живет в Швейцарии. Но мне, товарищи, доложили: не все так просто. Домой он хочет, факт. Но понять можно. Он социализма в лицо не видел. Я вот сборники его стихов просил доставить. Так вот в книжке «Возвращение черта» он там так пишет: мол, только в Россию привезите. а там хоть расстреляйте.

ГОЛОС. Можн! СМЕХ.

ГЛАВНЫЙ. Ну, зачем? (Смеется.) Или вот книга, не по-русски называется? Я вот тут заложил. Стихотворение называется «Слава». Длинное стихотворение. Здесь автора, так сказать, гнетет и занимает мысль про контакт с читателем. Вот (читает): «И виденье на родине. Мастер... наденность... непреклонности, не тронуть не смеют... порой перевод или отрывок... поклонники, ценность, европейская... да-ча в Алуште...»

ГОЛОС. Где? В Алуште? ГЛАВНЫЙ. Да! И много таких вот стихов. Какой из этого можно сделать вывод? А вывод, товарищи, такой, что хоть и сладко там кормят его верей наши, а домой он все равно хочет. А что Алушта? Вот хоть и Переделкино... (Нерзачор.) ГОЛОС: Там все занято!

ГЛАВНЫЙ. Посмотрим. Нам сейчас надо принципиально решить вопрос. А детали мы потом с товарищами проработаем. Какие из принципиальных предложений имеются? ГОЛОС. А как приглашать, через посольство? ГЛАВНЫЙ. Нет. Товарищ Шеленин мне так сказал, что дело это наше писательское. Официальные органы потом подключатся. А

сначала Набокова принципиальное согласие¹⁰. Пошлем нашего человека (неразборч...), авторитетного. ГОЛОС. Что? В Швейцарию? ШУМ.

ГОЛОС. А вы в прошлом месяце в Италии были! ШУМ.

ГЛАВНЫЙ. Товарищи, товарищи, не шумите! Это мы потом решим. Что делать... <...>

На этом месте машинистка обрывается.

Документ №2: распорядок дня В.В.Набокова

Этот документ можно было бы посчитать шуткой, если бы в нем не были с поразительным знанием дела учтены многие мельчайшие нюансы психологии Набокова, известные только знатокам. Этот текст лежит между двух гостиничных счетов и командировочных расходов на имя некоего Александра Владимировича Брускова. Видно, это и был тот самый «авторитетный» гонец от Союза писателей СССР, который в целях конспирации скрывался под явным вымышленным именем и которого Набоков в письме называет «Кичкин» и «Бричкин». Но кто это был на самом деле? Судя по докладной записке (см. ниже), это был не только и не только писатель, но являл КГБ, инструкторованный соответствующим образом. Данный листок — часть этой инструкции.

6.30 — 10.30: по всей видимости, работает. В это время не стоит его беспокоить лично. Но записку можно передать, т.к. в перерывах просматривает утреннюю почту.

Около 11.30: выходит на прогулку с женой (маршрут иногда меняет, но от отеля не удаляется более чем на 2-3 км). Прогулка длится около часа — до второго завтрака. В это время возможны встречи и разговор. Однако надо принимать в расчет его настроение. Если очень охвачен, вступать в контакт нежелательно.

13.00 — 15.00: несюно — либо работает, либо спит. Шторы во всех окнах наглухо закрывает.

15.00 — 18.00: работает, просматривает почту, иногда заказывает в номер вино. Время наиболее благоприятное для контакта после 18.00, но не позже 21.00.

19.00: обедает.

Свет в номере полностью гасит в 22.30.

Документ № 3: докладная записка в секретариат СП СССР

Написана от руки и представляет собой «чужой вариант» (полного и окончательного варианта в деле нет). Записка, по всей видимости, была подготовлена тем командированным от Союза писателей, который под именем «Брусков» встречался с Набоковым 20 и 21 декабря 1967 г. в отеле Montreux Palace, где чета Набоковых занимала объединенные номера 60-64. «Брусков Александр Владимирович», судя по копиям вступительных листов, хранившихся в деле, снимал в том же отеле номер 23 на период с 19 по 23 декабря. Из содержания черновика «Записки» не ясно, кому именно и для какой цели она была подана. Возможно, она предназначалась для информирования того из секретаря СП, который должен был выступать на втором (несостоявшемся) закрытом заседании секретариата по поводу приема Набокова в Союз писателей.

Результаты переговоров с В.Н. можно назвать положительными. По моему мнению, это был верный ход — передать ему сначала старые фото из его прошлых семейных имений под Ленинградом (никаких современных фото Выры, Батова и Рождествово делать, как это предлагалось, не надо — они могут только все испортить), а потом уже договариваться об обстоятельной встрече. Карточкой произвел на него сильное впечатление. Он бросился рассматривать их при мне, почти готов был заплакать и, кажется, чувствовал себя виноватым, за то что заставил меня (из предосторожности и недоверия) собственноручно раскладывать пакеты.

Вообще же и далее надо действовать в том же духе, т.е. использовать на первом этапе всевозможные изобретательные материалы, соответствующие его образу России; думается, что

здесь не помешают «какие-нибудь» старые открытки, вещицы, газеты и проч. Хорошо бы узнать, сохранилось ли что-нибудь из предметов семейного обихода Набоковых в указанных бывш. имениях. Нам надо сейчас пользоваться любым его проявлением сентиментальности и общаться ему все, что угодно, даже вещи нереальные — вплоть до того, что е г о билет члена СП будет выглядеть «кака-нибудь» иначе, если он подпишет все необходимые бумаги. Я упоминаю об этом потому, что он, кажется, «два слова неразборч.» смутился видом нашего обычного билета. В остальном же наш разговор, состоявшийся на следующий день после того, как я вручил ему снимки, был достаточно конструктивным. Я коснулся всех тех пунктов, которые затрагивают его будущее положение в СССР как полноправного — и даже пользующегося особыми льготами — сов-етского писателя. Он слушал внимательно и не высказывал никаких протестов, а напротив, был явно и «теплот» взволнован, особенно, когда я сказал, что паспорта на его семью, если он даст общепринятые согласия, будут выданы ему в течение часа, а еще через два часа он будет в России... Эта мысль так его поразила, что он даже закрыл руками лицо и «одно слово неразборч.» затрясся, — если бы мы разговаривали не в холле, а в номере, он, наверное, разрыдался бы. Словом, дело сейчас находи- ся в том состоянии, что его нужно только, как говорится, дожать... И тут надо обдумать, стоит ли в дальнейшем действовать делегациями, как это неоднократно предлагалось, или все же тактично по одному. Второй вариант на данном этапе, по-моему, более приемлем: любая делегация его сейчас может спугнуть... «две строки тщательно зачерк.» Со мной у него, по крайней мере, наладился такой контакт, что он охотно согласился и на вторую встречу, к-торую я назначил на 22 декабря. Однако от этой встречи я отказался, учитывая его естественное волнение и полагая, что если его чересчур расстроить, постичь-есянки разговорами о России, к-торые были запланированы на вторую встречу, то он не способен будет принять решение...»

Примечания

¹ А. Н. Шеленин — секретарь ЦК КПСС, председатель Комитета партийно-государственного контроля ЦК КПСС и Совета Министров СССР.

² Видимо, речь идет о письмах Солженицына в связи с отказом печатать его вещи в советских журналах.

³ Непонятно, о каких «ребятах» идет речь: то ли о сотрудниках аппарата Союза писателей, то ли КГБ.

⁴ Леоньевский в это время был директором издательства «Советский писатель».

⁵ Так в машинистке.

⁶ Понятно, что Главный словно играет с членами секретариата. Из остальных материалов ясно, что вопрос о приеме Набокова в Союз писателей был заранее решен в высших инстанциях.

⁷ Независимое лицо.

⁸ Так в машинистке. Книга стихов Набокова называлась «Возвращение Чорба», Берлин: «Слово», 1930.

⁹ Речь могла идти о книге Набокова «Poems and Problems». Но она вышла в Нью-Йорке лишь в 1970 году. Не может быть, чтобы КГБ был настолько осведомлен об издательских планах Набокова!

¹⁰ Это подтверждает версию о том, что операция по возвращению Набокова в СССР была тщательным образом подготовлена в ЦК и КГБ.

Документ № 4: письмо В.Набокова Е.Сикорской

22 XII. 1967 Montreux

Дорогая моя Еленочка! Некогда, кажется из Седоны, я писал тебе, что Россия должна еще будет покончиться мне в ножки за какую-то вполне конкретную (и ныне мною успешно забытую) литературную доблесть, которую я тогда верил в себя. Но сейчас, когда я пишу тебе, не сомневайся в твоём правильном толковании тех моих слов, какие на деле были лишь выходкой моего дряхлеющего остроумия. Мне с тобой (да и Верино) тоже отношение к России всегда эволюционировало с одинаковой скоростью, на мгновенье замирая на одних и тех же пунктах, некоторые из которых я не поленился и теперь перечисляю тебе, надеясь, что моя надежда, отчаяние, озлобленность, угрюмое равновесие... Особенно вот последним и она платила всем нам, хотя только что Вера, переписывая оркестр моих тихих букв из соседней комнаты крикнула, что это не совсем так. Если я не согласен, то дам волю некоторым моим принудительным воспоминаниям: то заставлю меня советский гастролер-поэт, который по прославленному русскому обычаю не преминул прямо с порога заявить, что ужасно голоден после дороги, и разом вынул чашку кофе, с алчным недоумением долго глядел на засахарившееся его дыношко, будто ожидая увидеть там кусок кровавой колбасы. Или другой, совершенно другой, но от этого не менее убедительный, — это заставил меня советский гастролер-поэт, который по прославленному русскому обычаю не преминул прямо с порога заявить, что ужасно голоден после дороги, и разом вынул чашку кофе, с алчным недоумением долго глядел на засахарившееся его дыношко, будто ожидая увидеть там кусок кровавой колбасы. Или третий, совершенно другой, но от этого не менее убедительный, — это заставил меня советский гастролер-поэт, который по прославленному русскому обычаю не преминул прямо с порога заявить, что ужасно голоден после дороги, и разом вынул чашку кофе, с алчным недоумением долго глядел на засахарившееся его дыношко, будто ожидая увидеть там кусок кровавой колбасы. Или четвертый, совершенно другой, но от этого не менее убедительный, — это заставил меня советский гастролер-поэт, который по прославленному русскому обычаю не преминул прямо с порога заявить, что ужасно голоден после дороги, и разом вынул чашку кофе, с алчным недоумением долго глядел на засахарившееся его дыношко, будто ожидая увидеть там кусок кровавой колбасы. Или пятый, совершенно другой, но от этого не менее убедительный, — это заставил меня советский гастролер-поэт, который по прославленному русскому обычаю не преминул прямо с порога заявить, что ужасно голоден после дороги, и разом вынул чашку кофе, с алчным недоумением долго глядел на засахарившееся его дыношко, будто ожидая увидеть там кусок кровавой колбасы. Или шестой, совершенно другой, но от этого не менее убедительный, — это заставил меня советский гастролер-поэт, который по прославленному русскому обычаю не преминул прямо с порога заявить, что ужасно голоден после дороги, и разом вынул чашку кофе, с алчным недоумением долго глядел на засахарившееся его дыношко, будто ожидая увидеть там кусок кровавой колбасы. Или седьмой, совершенно другой, но от этого не менее убедительный, — это заставил меня советский гастролер-поэт, который по прославленному русскому обычаю не преминул прямо с порога заявить, что ужасно голоден после дороги, и разом вынул чашку кофе, с алчным недоумением долго глядел на засахарившееся его дыношко, будто ожидая увидеть там кусок кровавой колбасы. Или восьмой, совершенно другой, но от этого не менее убедительный, — это заставил меня советский гастролер-поэт, который по прославленному русскому обычаю не преминул прямо с порога заявить, что ужасно голоден после дороги, и разом вынул чашку кофе, с алчным недоумением долго глядел на засахарившееся его дыношко, будто ожидая увидеть там кусок кровавой колбасы. Или девятый, совершенно другой, но от этого не менее убедительный, — это заставил меня советский гастролер-поэт, который по прославленному русскому обычаю не преминул прямо с порога заявить, что ужасно голоден после дороги, и разом вынул чашку кофе, с алчным недоумением долго глядел на засахарившееся его дыношко, будто ожидая увидеть там кусок кровавой колбасы. Или десятый, совершенно другой, но от этого не менее убедительный, — это заставил меня советский гастролер-поэт, который по прославленному русскому обычаю не преминул прямо с порога заявить, что ужасно голоден после дороги, и разом вынул чашку кофе, с алчным недоумением долго глядел на засахарившееся его дыношко, будто ожидая увидеть там кусок кровавой колбасы. Или одиннадцатый, совершенно другой, но от этого не менее убедительный, — это заставил меня советский гастролер-поэт, который по прославленному русскому обычаю не преминул прямо с порога заявить, что ужасно голоден после дороги, и разом вынул чашку кофе, с алчным недоумением долго глядел на засахарившееся его дыношко, будто ожидая увидеть там кусок кровавой колбасы. Или двенадцатый, совершенно другой, но от этого не менее убедительный, — это заставил меня советский гастролер-поэт, который по прославленному русскому обычаю не преминул прямо с порога заявить, что ужасно голоден после дороги, и разом вынул чашку кофе, с алчным недоумением долго глядел на засахарившееся его дыношко, будто ожидая увидеть там кусок кровавой колбасы. Или тринадцатый, совершенно другой, но от этого не менее убедительный, — это заставил меня советский гастролер-поэт, который по прославленному русскому обычаю не преминул прямо с порога заявить, что ужасно голоден после дороги, и разом вынул чашку кофе, с алчным недоумением долго глядел на засахарившееся его дыношко, будто ожидая увидеть там кусок кровавой колбасы. Или четырнадцатый, совершенно другой, но от этого не менее убедительный, — это заставил меня советский гастролер-поэт, который по прославленному русскому обычаю не преминул прямо с порога заявить, что ужасно голоден после дороги, и разом вынул чашку кофе, с алчным недоумением долго глядел на засахарившееся его дыношко, будто ожидая увидеть там кусок кровавой колбасы. Или пятнадцатый, совершенно другой, но от этого не менее убедительный, — это заставил меня советский гастролер-поэт, который по прославленному русскому обычаю не преминул прямо с порога заявить, что ужасно голоден после дороги, и разом вынул чашку кофе, с алчным недоумением долго глядел на засахарившееся его дыношко, будто ожидая увидеть там кусок кровавой колбасы. Или шестнадцатый, совершенно другой, но от этого не менее убедительный, — это заставил меня советский гастролер-поэт, который по прославленному русскому обычаю не преминул прямо с порога заявить, что ужасно голоден после дороги, и разом вынул чашку кофе, с алчным недоумением долго глядел на засахарившееся его дыношко, будто ожидая увидеть там кусок кровавой колбасы. Или семнадцатый, совершенно другой, но от этого не менее убедительный, — это заставил меня советский гастролер-поэт, который по прославленному русскому обычаю не преминул прямо с порога заявить, что ужасно голоден после дороги, и разом вынул чашку кофе, с алчным недоумением долго глядел на засахарившееся его дыношко, будто ожидая увидеть там кусок кровавой колбасы. Или восемнадцатый, совершенно другой, но от этого не менее убедительный, — это заставил меня советский гастролер-поэт, который по прославленному русскому обычаю не преминул прямо с порога заявить, что ужасно голоден после дороги, и разом вынул чашку кофе, с алчным недоумением долго глядел на засахарившееся его дыношко, будто ожидая увидеть там кусок кровавой колбасы. Или девятнадцатый, совершенно другой, но от этого не менее убедительный, — это заставил меня советский гастролер-поэт, который по прославленному русскому обычаю не преминул прямо с порога заявить, что ужасно голоден после дороги, и разом вынул чашку кофе, с алчным недоумением долго глядел на засахарившееся его дыношко, будто ожидая увидеть там кусок кровавой колбасы. Или двадцатый, совершенно другой, но от этого не менее убедительный, — это заставил меня советский гастролер-поэт, который по прославленному русскому обычаю не преминул прямо с порога заявить, что ужасно голоден после дороги, и разом вынул чашку кофе, с алчным недоумением долго глядел на засахарившееся его дыношко, будто ожидая увидеть там кусок кровавой колбасы. Или двадцать первый, совершенно другой, но от этого не менее убедительный, — это заставил меня советский гастролер-поэт, который по прославленному русскому обычаю не преминул прямо с порога заявить, что ужасно голоден после дороги, и разом вынул чашку кофе, с алчным недоумением долго глядел на засахарившееся его дыношко, будто ожидая увидеть там кусок кровавой колбасы. Или двадцать второй, совершенно другой, но от этого не менее убедительный, — это заставил меня советский гастролер-поэт, который по прославленному русскому обычаю не преминул прямо с порога заявить, что ужасно голоден после дороги, и разом вынул чашку кофе, с алчным недоумением долго глядел на засахарившееся его дыношко, будто ожидая увидеть там кусок кровавой колбасы. Или двадцать третий, совершенно другой, но от этого не менее убедительный, — это заставил меня советский гастролер-поэт, который по прославленному русскому обычаю не преминул прямо с порога заявить, что ужасно голоден после дороги, и разом вынул чашку кофе, с алчным недоумением долго глядел на засахарившееся его дыношко, будто ожидая увидеть там кусок кровавой колбасы. Или двадцать четвертый, совершенно другой, но от этого не менее убедительный, — это заставил меня советский гастролер-поэт, который по прославленному русскому обычаю не преминул прямо с порога заявить, что ужасно голоден после дороги, и разом вынул чашку кофе, с алчным недоумением долго глядел на засахарившееся его дыношко, будто ожидая увидеть там кусок кровавой колбасы. Или двадцать пятый, совершенно другой, но от этого не менее убедительный, — это заставил меня советский гастролер-поэт, который по прославленному русскому обычаю не преминул прямо с порога заявить, что ужасно голоден после дороги, и разом вынул чашку кофе, с алчным недоумением долго глядел на засахарившееся его дыношко, будто ожидая увидеть там кусок кровавой колбасы. Или двадцать шестой, совершенно другой, но от этого не менее убедительный, — это заставил меня советский гастролер-поэт, который по прославленному русскому обычаю не преминул прямо с порога заявить, что ужасно голоден после дороги, и разом вынул чашку кофе, с алчным недоумением долго глядел на засахарившееся его дыношко, будто ожидая увидеть там кусок кровавой колбасы. Или двадцать седьмой, совершенно другой, но от этого не менее убедительный, — это заставил меня советский гастролер-поэт, который по прославленному русскому обычаю не преминул прямо с порога заявить, что ужасно голоден после дороги, и разом вынул чашку кофе, с алчным недоумением долго глядел на засахарившееся его дыношко, будто ожидая увидеть там кусок кровавой колбасы. Или двадцать восьмой, совершенно другой, но от этого не менее убедительный, — это заставил меня советский гастролер-поэт, который по прославленному русскому обычаю не преминул прямо с порога заявить, что ужасно голоден после дороги, и разом вынул чашку кофе, с алчным недоумением долго глядел на засахарившееся его дыношко, будто ожидая увидеть там кусок кровавой колбасы. Или двадцать девятый, совершенно другой, но от этого не менее убедительный, — это заставил меня советский гастролер-поэт, который по прославленному русскому обычаю не преминул прямо с порога заявить, что ужасно голоден после дороги, и разом вынул чашку кофе, с алчным недоумением долго глядел на засахарившееся его дыношко, будто ожидая увидеть там кусок кровавой колбасы. Или тридцатый, совершенно другой, но от этого не менее убедительный, — это заставил меня советский гастролер-поэт, который по прославленному русскому обычаю не преминул прямо с порога заявить, что ужасно голоден после дороги, и разом вынул чашку кофе, с алчным недоумением долго глядел на засахарившееся его дыношко, будто ожидая увидеть там кусок кровавой колбасы. Или тридцать первый, совершенно другой, но от этого не менее убедительный, — это заставил меня советский гастролер-поэт, который по прославленному русскому обычаю не преминул прямо с порога заявить, что ужасно голоден после дороги, и разом вынул чашку кофе, с алчным недоумением долго глядел на засахарившееся его дыношко, будто ожидая увидеть там кусок кровавой колбасы. Или тридцать второй, совершенно другой, но от этого не менее убедительный, — это заставил меня советский гастролер-поэт, который по прославленному русскому обычаю не преминул прямо с порога заявить, что ужасно голоден после дороги, и разом вынул чашку кофе, с алчным недоумением долго глядел на засахарившееся его дыношко, будто ожидая увидеть там кусок кровавой колбасы. Или тридцать третий, совершенно другой, но от этого не менее убедительный, — это заставил меня советский гастролер-поэт, который по прославленному русскому обычаю не преминул прямо с порога заявить, что ужасно голоден после дороги, и разом вынул чашку кофе, с алчным недоумением долго глядел на засахарившееся его дыношко, будто ожидая увидеть там кусок кровавой колбасы. Или тридцать четвертый, совершенно другой, но от этого не менее убедительный, — это заставил меня советский гастролер-поэт, который по прославленному русскому обычаю не преминул прямо с порога заявить, что ужасно голоден после дороги, и разом вынул чашку кофе, с алчным недоумением долго глядел на засахарившееся его дыношко, будто ожидая увидеть там кусок кровавой колбасы. Или тридцать пятый, совершенно другой, но от этого не менее убедительный, — это заставил меня советский гастролер-поэт, который по прославленному русскому обычаю не преминул прямо с порога заявить, что ужасно голоден после дороги, и разом вынул чашку кофе, с алчным недоумением долго глядел на засахарившееся его дыношко, будто ожидая увидеть там кусок кровавой колбасы. Или тридцать шестой, совершенно другой, но от этого не менее убедительный, — это заставил меня советский гастролер-поэт, который по прославленному русскому обычаю не преминул прямо с порога заявить, что ужасно голоден после дороги, и разом вынул чашку кофе, с алчным недоумением долго глядел на засахарившееся его дыношко, будто ожидая увидеть там кусок кровавой колбасы. Или тридцать седьмой, совершенно другой, но от этого не менее убедительный, — это заставил меня советский гастролер-поэт, который по прославленному русскому обычаю не преминул прямо с порога заявить, что ужасно голоден после дороги, и разом вынул чашку кофе, с алчным недоумением долго глядел на засахарившееся его дыношко, будто ожидая увидеть там кусок кровавой колбасы. Или тридцать восьмой, совершенно другой, но от этого не менее убедительный, — это заставил меня советский гастролер-поэт, который по прославленному русскому обычаю не преминул прямо с порога заявить, что ужасно голоден после дороги, и разом вынул чашку кофе, с алчным недоумением долго глядел на засахарившееся его дыношко, будто ожидая увидеть там кусок кровавой колбасы. Или тридцать девятый, совершенно другой, но от этого не менее убедительный, — это заставил меня советский гастролер-поэт, который по прославленному русскому обычаю не преминул прямо с порога заявить, что ужасно голоден после дороги, и разом вынул чашку кофе, с алчным недоумением долго глядел на засахарившееся его дыношко, будто ожидая увидеть там кусок кровавой колбасы. Или тридцать десятый, совершенно другой, но от этого не менее убедительный, — это заставил меня советский гастролер-поэт, который по прославленному русскому обычаю не преминул прямо с порога заявить, что ужасно голоден после дороги, и разом вынул чашку кофе, с алчным недоумением долго глядел на засахарившееся его дыношко, будто ожидая увидеть там кусок кровавой колбасы. Или тридцать одиннадцатый, совершенно другой, но от этого не менее убедительный, — это заставил меня советский гастролер-поэт, который по прославленному русскому обычаю не преминул прямо с порога заявить, что ужасно голоден после дороги, и разом вынул чашку кофе, с алчным недоумением долго глядел на засахарившееся его дыношко, будто ожидая увидеть там кусок кровавой колбасы. Или тридцать двенадцатый, совершенно другой, но от этого не менее убедительный, — это заставил меня советский гастролер-поэт, который по прославленному русскому обычаю не преминул прямо с порога заявить, что ужасно голоден после дороги, и разом вынул чашку кофе, с алчным недоумением долго глядел на засахарившееся его дыношко, будто ожидая увидеть там кусок кровавой колбасы. Или тридцать тринадцатый, совершенно другой, но от этого не менее убедительный, — это заставил меня советский гастролер-поэт, который по прославленному русскому обычаю не преминул прямо с порога заявить, что ужасно голоден после дороги, и разом вынул чашку кофе, с алчным недоумением долго глядел на засахарившееся его дыношко, будто ожидая увидеть там кусок кровавой колбасы. Или тридцать четырнадцатый, совершенно другой, но от этого не менее убедительный, — это заставил меня советский гастролер-поэт, который по прославленному русскому обычаю не преминул прямо с порога заявить, что ужасно голоден после дороги, и разом вынул чашку кофе, с алчным недоумением долго глядел на засахарившееся его дыношко, будто ожидая увидеть там кусок кровавой колбасы. Или тридцать пятнадцатый, совершенно другой, но от этого не менее убедительный, — это заставил меня советский гастролер-поэт, который по прославленному русскому обычаю не преминул прямо с порога заявить, что ужасно голоден после дороги, и разом вынул чашку кофе, с алчным недоумением долго глядел на засахарившееся его дыношко, будто ожидая увидеть там кусок кровавой колбасы. Или тридцать шестнадцатый, совершенно другой, но от этого не менее убедительный, — это заставил меня советский гастролер-поэт, который по прославленному русскому обычаю не преминул прямо с порога заявить, что ужасно голоден после дороги, и разом вынул чашку кофе, с алчным недоумением долго глядел на засахарившееся его дыношко, будто ожидая увидеть там кусок кровавой колбасы. Или тридцать семнадцатый, совершенно другой, но от этого не менее убедительный, — это заставил меня советский гастролер-поэт, который по прославленному русскому обычаю не преминул прямо с порога заявить, что ужасно голоден после дороги, и разом вынул чашку кофе, с алчным недоумением долго глядел на засахарившееся его дыношко, будто ожидая увидеть там кусок кровавой колбасы. Или тридцать восемнадцатый, совершенно другой, но от этого не менее убедительный, — это заставил меня советский гастролер-поэт, который по прославленному русскому обычаю не преминул прямо с порога заявить, что ужасно голоден после дороги, и разом вынул чашку кофе, с алчным недоумением долго глядел на засахарившееся его дыношко, будто ожидая увидеть там кусок кровавой колбасы. Или тридцать девятнадцатый, совершенно другой, но от этого не менее убедительный, — это заставил меня советский гастролер-поэт, который по прославленному русскому обычаю не преминул прямо с порога заявить, что ужасно голоден после дороги, и разом вынул чашку кофе, с алчным недоумением долго глядел на засахарившееся его дыношко, будто ожидая увидеть там кусок кровавой колбасы. Или тридцать двадцатый, совершенно другой, но от этого не менее убедительный, — это заставил меня советский гастролер-поэт, который по прославленному русскому обычаю не преминул прямо с порога заявить, что ужасно голоден после дороги, и разом вынул чашку кофе, с алчным недоумением долго глядел на засахарившееся его дыношко, будто ожидая увидеть там кусок кровавой колбасы. Или тридцать двадцать первый, совершенно другой, но от этого не менее убедительный, — это заставил меня советский гастролер-поэт, который по прославленному русскому обычаю не преминул прямо с порога заявить, что ужасно голоден после дороги, и разом вынул чашку кофе, с алчным недоумением долго глядел на засахарившееся его дыношко, будто ожидая увидеть там кусок кровавой колбасы. Или тридцать двадцать второй, совершенно другой, но от этого не менее убедительный, — это заставил меня советский гастролер-поэт, который по прославленному русскому обычаю не преминул прямо с порога заявить, что ужасно голоден после дороги, и разом вынул чашку кофе, с алчным недоумением долго глядел на засахарившееся его дыношко, будто ожидая увидеть там кусок кровавой колбасы. Или тридцать двадцать третий, совершенно другой, но от этого не менее убедительный, — это заставил меня советский гастролер-поэт, который по прославленному русскому обычаю не преминул прямо с порога заявить, что ужасно голоден после дороги, и разом вынул чашку кофе, с алчным недоумением долго глядел на засахарившееся его дыношко, будто ожидая увидеть там кусок кровавой колбасы. Или тридцать двадцать четвертый, совершенно другой, но от этого не менее убедительный, — это заставил меня советский гастролер-поэт, который по прославленному русскому обычаю не преминул прямо с порога заявить, что ужасно голоден после дороги, и разом вынул чашку кофе, с алчным недоумением долго глядел на засахарившееся его дыношко, будто ожидая увидеть там кусок кровавой колбасы. Или тридцать двадцать пятый, совершенно другой, но от этого не менее убедительный, — это заставил меня советский гастролер-поэт, который по прославленному русскому обычаю не преминул прямо с порога заявить, что ужасно голоден после дороги, и разом вынул чашку кофе, с алчным недоумением долго глядел на засахарившееся его дыношко, будто ожидая увидеть там кусок кровавой колбасы. Или тридцать двадцать шестой, совершенно другой, но от этого не менее убедительный, — это заставил меня советский гастролер-поэт, который по прославленному русскому обычаю не преминул прямо с порога заявить, что ужасно голоден после дороги, и разом вынул чашку кофе, с алчным недоумением долго глядел на засахарившееся его дыношко, будто ожидая увидеть там кусок кровавой колбасы. Или тридцать двадцать седьмой, совершенно другой, но от этого не менее убедительный, — это заставил меня советский гастролер-поэт, который по прославленному русскому обычаю не преминул прямо с порога заявить, что ужасно голоден после дороги, и разом вынул чашку кофе, с алчным недоумением долго глядел на засахарившееся его дыношко, будто ожидая увидеть там кусок кровавой колбасы. Или тридцать двадцать восьмой, совершенно другой, но от этого не менее убедительный, — это заставил меня советский гастролер-поэт, который по прославленному русскому обычаю не преминул прямо с порога заявить, что ужасно голо